

Владимир ВОЙНОВИЧ

«ПИСАТЕЛЬ ОН БЫЛ НЕПЛОХОЙ...»

«АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ» сознания моего не перевернул, но на мнение об авторе повлиял.

Оно стало не лучше, а хуже.

Я ведь до сих пор держал его почти за обрезец. Пишет замечательно, в поведении отважен, в суждениях независим, перед начальством не гнется и перед опасностью не сгибается, всегда готов к самопожертвованию...

Я смотрел на него, задравши голову и прижимаясь, чтоб не ослепнуть.

Но вот он стал снижаться кругами и, вопреки законам оптики, становился не больше, а меньше.

МЕНЯ НЕ СТОЛЬКО ТО СМУТИЛО, что он под псевдонимом «Ветров» подписал в лагере обязательство сотрудничать с «органами», сколько возникшее при чтении этого эпизода в «Архипелаге» чувство, что признание выдается за чистосердечное, но сделано как хитроумный опережающий шаг. Воспоминатель поспешил обнародовать этот случай, не дожидаясь, пока за него это сделают его гебешные оппоненты.

Сам факт меня не смущил бы, если бы речь шла о ком-то другом.

Я обычно не осмеливаюсь судить людей за слабости, проявленные в обстоятельствах, в которых мне самому быть не пришлось. Тем более, я не поставил бы лыко в строку тому, кто обязательство подписал, но от исполнения уклонился и сам поступок свой осудил. Любой в такой ситуации корить было бы хорошо. Но в данном случае ведь идет о человеке, который претендует на исключительную роль непогрешимого морального авторитета и безусловного духовного лидера. Он с особой настойчивостью и страстью попрекает нас в конформизме, обвиняет во всех наших слабостях и грехах, видя себя самого стоящим на недоступной нам высоте.

А оказывается, на доступной высоте он стоит. Но претендует на большее.

Он от исполнения обязательства уклонился, а в то, что так же могли уклониться другие, не верит. Почему же? Насколько нам известно (и сам он о том свидетельствует) даже в тех крайних обстоятельствах жизни были люди, которые на подобные компромиссы не шли вообще.

Я ПРОДОЛЖИЛ ЧТЕНИЕ и, чем дальше, тем чаще морщился...

Дошел я до описания строительства заключенными Беломорканала и споткнулся на том месте, где автор предлагает выложить вдоль берегов канала, чтобы всегда люди помнили, фамилии лагерных начальников: Фирин, Берман, Френкель, Коган, Раппопорт и Жук. Во времена борьбы с «космополитизмом» советские газеты так вот выстраивали в ряд еврейские фамилии врачей-убийц или еще каких-нибудь злодеев этого племени. Но неужели среди начальников Беломора вообще не было русских, татар, якутов или кого еще? А если и не было, то надо же понимать, что эти шестеро, как бы ни зверствовали, были всего лишь усердными исполнителями высшей воли. Истинным вдохновителем и прорабом этого строительства, был как раз тот, чьим именем канал по справедливости и назван – Иосиф Сталин.

Сначала я попробовал допустить, что список составлен случайно. Писатель привержен правде, и ему все равно – какие фамилии были, те и поставил. А может, он просто не различает и различать не хочет, какие фамилии еврейские, какие нет, может, он выше этого? Но по другим текстам (например, о крестном ходе в Переделкине) видел, что отличает он евреев от всех других и по фамилиям, и по лицам. А если так, то после Освенцима и Треблинки, после дела врачей-убийц и травли «бездонных космополитов» для большого русского писателя, знающего, где он живет и с кем имеет дело, приводить такой список без всяких комментариев, не странно ли? Если не понимает, что пишет, значит, не очень умен, а если понимает, значит другое...

ГДЕ СОЛЖЕНИЦЫН НИ ТРОНЕТ «ЕВРЕЙСКУЮ ТЕМУ», там очевидны старания провести между евреями и русскими, между евреями и собой. В упомянутом выше очерке о крестном ходе в Пере-

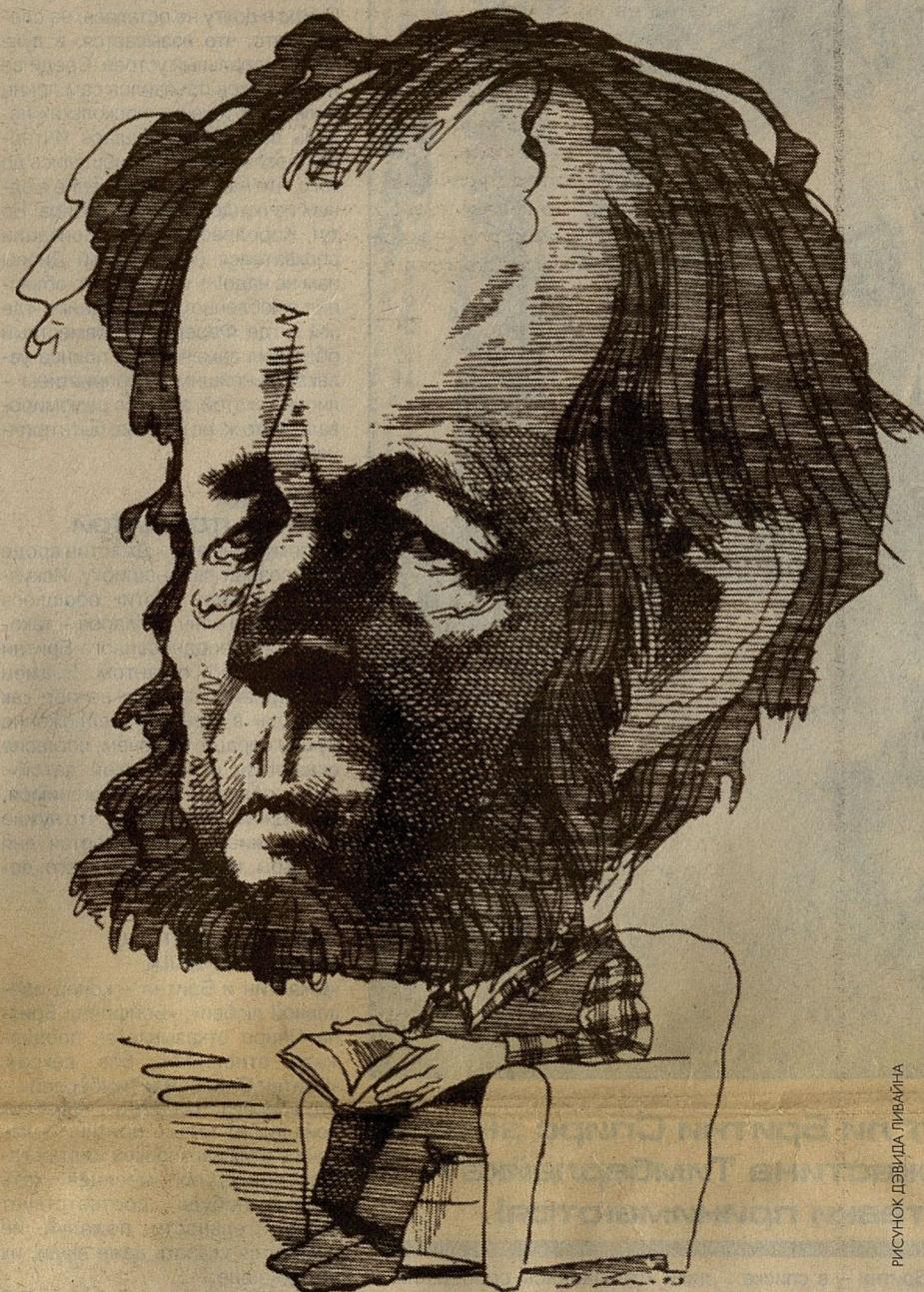

РИСУНОК ДЭВИДА ЛИВАЙНА

Не надо быть пророком, чтобы предугадать какой шум поднимется после выхода книги Владимира Войновича «Портрет на фоне мифа» (издательство «ЭКСМО-Пресс, 2002). Слишком болезненна для многих ее тема – психология русского диссидентства, кумиротворчества, слишком известен герой – Александр Исаевич Солженицын.

делкине замечает в толпе разнозданной русской молодежи несколько «мягких еврейских лиц» и делится соображением, что «евреев мы беспечь ругаем», а, мол, и молодые русские тоже ничуть не лучше. Сидя в Вермонте и читая русские эмигрантские газеты, где работают евреи (а в каких русских газетах они не работают?), он называет эти издания «их газеты на русском языке». И это все тем более странно, что так или иначе всю жизнь ведь был окружен людьми этой национальности, чистыми или смешанными (да и жена, а значит, и дети его собственные не без примеси, а по израильским законам и вовсе евреи). Даже те из близких к нему евреев, кого я лично знаю, настолько люди разные, что я затруднялся бы объединить их по каким-то общим признакам, не считая графы в советском паспорте.

ЗАЩИЩАЯ РУССКИХ, постоянно оскорбляет всех остальных и сам этого не сознает. Какую национальность ни помянет – украинцев, казахов, татар, чеченцев, – обязательно скажет о ней что-то обидное. Выделяя, кажется, только эстонцев и литовцев – эти у него почему-то хорошие. Защищаясь от обвинений в недоброжелательстве к другим народам, вспомнил и поставил себе в заслугу, что в «Раковом корпусе» с сочувствием описал страдания умирающего татарина. Но, описывая, помнил, что это именно татарин, а не просто умирающий от рака человек.

Подчеркивая постоянно свою русскую и свою заботу только о русских, он уже одним этим разжаловал себя из мировых писа-

телей в провинциальные. Мировой писатель, естественно, привязан к своей культуре и к своему языку, но все люди для него – люди, страдают они все одинаково, и качество крови зависит не от национальности, а от группы, резус-фактора, количества тромбоцитов, эритроцитов, сахара, холестерина и прочих составляющих.

ЧЕРЕЗ ПОЧТИ СЕМЬ ЛЕТ ПОСЛЕ СОЛЖЕНИЦЫНА и мне выпала судьба оказаться на Западе. К тому времени подоспели уже очередные «узлы» (название частей художественно-документальной эпопеи «Красное колесо» – Ред.).

Я попробовал почтить – не пошло. Скучно! Громоздкий текст с языком местами вычурным, а местами просто невыразительным, с петитными многословными вставками и выпадающим из стиля неуклюже-модернистским приемом переноса действия на воображаемый экран. «Голос Америки» изо дня в день передавал главы в авторском исполнении. Я перестал слушать «Голос Америки». Разумеется, какие-то солженицынские поклонники встретили его «повествование в отмеренных сроках» с восторгом, но в целом эмигрантская пресса растерянно молчала. Сказать, что это хорошо, было по совести невозможно, а сказать, что плохо, долго никто, включая меня, не решался.

ДАЖЕ ЕСЛИ БЫ ОТНОСИЛСЯ К СОЛЖЕНИЦЫНУ ХУЖЕ, чем есть, и стремился навязать публике свое представление, у меня ничего бы не получилось. Никто ни-

кого не может ни вписать в литературу, ни выписать из нее. Даже Толстому не удалось отменить Шекспира, а Набокову – Достоевского. Пушкина толпы стягивали с корабля истории и не столкнули. У меня достает ума не заниматься тем же, и в своих прогнозах я готов ошибиться.

Мое мнение, может быть, ошибочное, но честное. Солженицын – историческая фигура. В истории он останется. Как потомки оценят его роль, не знаю. Думаю, оценят по-разному, в зависимости от пристрастий оценщика. Но как писателя...

ПРАВДУ СКАЗАТЬ, Я ЕГО ДАВНО НЕ ЧИТАЮ. Когда мне хочется почтить кого-нибудь ближе к нашему времени, моя рука тягается к Зощенко, Булгакову и Платонову, но почти никогда – к Солженицыну.

Может быть, я предвзято к нему отношусь? Может быть. Хотя стараюсь быть объективным. «Один день Денисовича» и сейчас кажется мне шедевром, но оставшимся в своем времени. Перечитывать не тянет. «Матренин двор» – очерк. Неплохой, но достаточен для одноразового чтения. Об «узлах» я уже все сказал. «В круге первом» или «Раковом корпусе» концы хорошо написаны, но до них еще надо добраться. «Случай на станции Кречетовка» мне с самого начала не нравился. О крохотках, двуличных рассказах и суточных повестях (навеяют воспоминания о суточных щах) говорить не буду. Что же до «Архипелага Гулаг», то в безусловности его художественных достоинств я сомневаюсь, а как исторический источник он тоже ценность свою утратил. Открылись архивы, опубликованы документы, факты, цифры, которых автор просто не мог знать. Конечно, историкам будут интереснее документально подтвержденные данные, чем даже добровольственные эмпирические догадки.

УБЕЖДЕНИЕ ЛИДИИ ЧУКОВСКОЙ, что Солженицын, как Пушкин, создал новую прозу и новый язык, теперь кажется наивным...

Я не выискивал специально какие-то фразы. Открыл наугад «Август Четырнадцатого», полистал и прочел:

...доотказным раствором рук...

Бы со сковородки подскочил полковник...

А сарай оказался – скотий, ну-у! для скота...

А сенькина кобыла с пережаху да перёк дороги взяла.

Головка сырьа (имеется в виду влажная человеческая голова, а не продукт сыроварни – В.В.) всё еще в поту, под скверненной фуршаком глядела щелковидно, уверенно.

Страх и ужас на лицах (при пожаренном свете).

Жил он в Вермонте в отшельстве.

Нападали на него охуждатели (для поэта находка под рифму «ох, уж датели!»...).

А всякие слова, вычитанные у Даля и самостоятельно сочиненные! Неудобопроносимые. Не всегда понятно, что означают.

Натучелый скот, натопчива печь, на поджиде, внимчивый, всгончивый, дремчий, расколыханный, приглушенный и прочие.

Этих слов много, они вылезают из текста, заставляя нас спотыкаться и думать, что бы они означали, и они же, собственно, являются важной составляющей его стиля. А слова, которые мы считаем обычновенными, вот они-то и случайны, не нашлось им вычурной замены.

Я ЛИЧНО НЕ ПРОТИВ. Каждый писатель имеет право писать, что и как хочет, потому что каждый читатель имеет право этого не читать. Или, читая, иметь собственное мнение. Мое мнение сводится к тому, что писатель он был неплохой, местами даже замечательный, но представления о его величи, гениальности, пророческих способностях и моральной чистоте относятся к числу мифических. Во многих проявлениях он выглядит человеком слабым, самовлюбленным, высокомерным, обуянным непомерной гордыней, греховным. Миф под названием «Солженицын» постепенно (и с его собственной помощью) развеивается... Но вирус мифотворчества, мифомании, мифофрении остается и время от времени будет давать новые вспышки той же болезни, но соотнесенной с какой-нибудь другой личностью.

С сокращениями.

Солженицын
Солженицын
30.05.2002